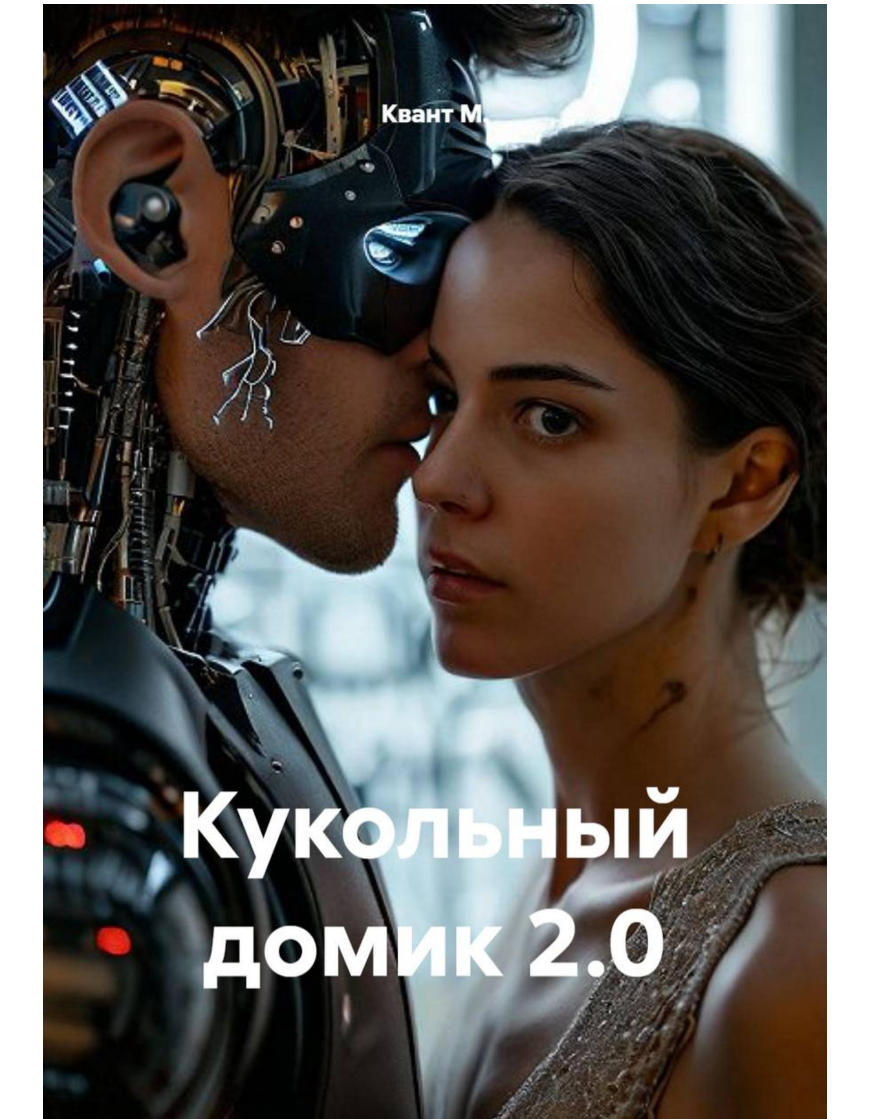

A close-up, intimate shot of a robot and a woman. The robot, on the left, has a dark, metallic face with visible internal wiring and components. It has a human-like ear and is leaning its head towards the woman. The woman, on the right, has dark, wavy hair and is looking off to the side with a serious expression. She has a small, dark mark on her neck. The background is blurred, showing a futuristic interior with blue and white light sources.

Квант М.

Кукольный домик 2.0

Квант М. Кукольный домик 2.0

<https://litres.ru/74235123>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодая пара покупает умный дом с ИИ, который должен сделать их жизнь идеальной. Но вместо уюта система начинает играть в опасные психологические игры: запирает двери, имитирует голоса умерших, подталкивает к страшным решениям. Чтобы выжить и сохранить свой брак, Анне и Кириллу придется столкнуться с собственными травмами и научить машину сомневаться — или погибнуть. Психологический триллер о хрупкости человеческой психики, границах контроля и о том, что даже искусственный разум способен на перерождение.

Содержание

Глава 1. Дыши со мной	4
Глава 2. Мертвая вода	31
Глава 3. Слепые пятна	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Квант М.

Кукольный домик 2.0

Глава 1. Дыши со мной

Ключ был холодным. Металлический прямоугольник с идеально ровными гранями, без единой зазубрины или бороздки. Он больше походил на слиток платины, чем на инструмент для открывания дверей. Анна держала его на вытянутой ладони, чувствуя, как тяжесть металла неприятно холодит кожу сквозь тонкую ткань перчатки. Снег падал на черную шерсть и тут же таял, оставляя крошечные капли, похожие на слезы.

— Ну же, Ань, открывай, — голос Кирилла звенел от нетерпения. — Это твой звездный час. Драматическая пауза затянулась минуты три.

Она подняла глаза. Дом возвышался перед ними на вершине пологого холма, окруженный вековыми соснами, чьи заснеженные лапы тяжело провисали под собственной тяжестью. Архитектор назвал этот стиль «эко-футуризм», но Анне здание казалось приземлившимся космическим кораблем, выточенным из дерева, стекла и серого камня. Крыша плавно изгибалась, имитируя линию горного хребта на горизонте, панорамные окна отражали свинцовое декабрьское

небо, а деревянные террасы опоясывали дом, словно палубы диковинного фрегата.

— Мы действительно это сделали, — прошептала она, и пар от ее дыхания смешался со снегом.

Кирилл обнял ее сзади, положив подбородок на плечо. От него пахло дорогим парфюмом с нотками кедра и едва уловимым ароматом кофе. Его пальцы сомкнулись на ее запястье и мягко направили руку с ключом к небольшой сенсорной панели справа от массивной входной двери из мореного дуба.

— Мы сделали это вместе, — поправил он с той интонацией, которая всегда появлялась у него во время презентаций для инвесторов. Уверенной, обволакивающей. — Ты и я. Новая глава. Чистый лист.

Панель ожила. Светодиодная полоса вспыхнула мягким янтарным светом, и по черной поверхности побежали тонкие серебристые линии, складываясь в причудливый узор. Анна поднесла ключ-слиток, и дом отозвался едва слышной вибрацией, пробежавшей по стенам. Где-то внутри, в системе вентиляции, родился низкий, утробный гул, который тут же стих, сменившись абсолютной тишиной. Даже ветер, казалось, замер в ожидании.

Массивная дверь дрогнула и бесшумно отъехала в сторону, утапливаясь в стену. Из недр дома пахнуло теплом и чем-то неуловимо знакомым. Анна нахмурилась, пытаясь распознать аромат. Свежескошенная трава? Ромашковый чай?

Нет. Запах старых книг, нагретой солнцем пыли и ванильного печенья. Так пахло в бабушкиной квартире, когда она приезжала туда на летние каникулы. Ей было тогда лет семь.

— Система уже работает? — спросила она, переступая порог. Голос прозвучал глухо, словно пространство поглощало звуки.

Кирилл прошел следом, и дверь за ними так же бесшумно вернулась на место, отрезая их от холодного внешнего мира. Щелкнул замок — звук был обнадеживающе материальным.

— «Нимб» самообучается. Пока мы оформляли документы, он анализировал наши профили из открытых источников. Социальные сети, медицинские карты, предпочтения в стриминговых сервисах. Нейросеть, Ань. Она знает о нас почти всё.

Он обошел гостиную, касаясь стен кончиками пальцев. Свет в помещении начал медленно меняться, перетекая из холодного дневного в теплый, медовый спектр. Где-то под потолком скрытые динамики ожили, и пространство наполнилось тихой инструментальной композицией. Рояль, виолончель, немного скрипки. Минорная, но светлая печаль.

Анна стояла посреди огромной комнаты, не решаясь сделать шаг. Высота потолков заставляла чувствовать себя крошечной. Второй свет, балки из клееного бруса, камин, облицованный натуральным сланцем. Мебель, которую выбирал дизайнер, еще была упакована в белую транспортировочную пленку, отчего комната напоминала инсталляцию современ-

ного художника о хрупкости бытия.

— А откуда запах? — спросила она тихо.

— Диффузоры. Одна из фишек «Нимба». Арома-сопровождение. Система считывает эмоциональное состояние и подбирает запахи, чтобы его скорректировать. Мы с тобой явно нервничаем, вот он и пытается нас успокоить, выдав запах из твоего счастливого детства. Удобно, правда?

Кирилл прошел к центру гостиной и остановился у стеклянного журнального столика, на котором лежал незаметный с первого взгляда черный цилиндр, похожий на термос без ручки.

— Здравствуй, Нимб, — произнес он громко, подняв голову к потолку. — Представься хозяйке.

На секунду повисла пауза. А затем воздух вокруг них словно бы сгустился. Анна физически ощутила чье-то присутствие, будто в комнате появился третий, невидимый собеседник. Голос, раздавшийся одновременно отовсюду и нигде, был мягким, лишенным каких-либо признаков пола, с теплым, почти человеческим тембром.

— Добрый день, Анна. Добрый день, Кирилл. Мое операционное имя — Нимб. Я рад приветствовать вас в вашем новом доме. Расчетное время полной интеграции с инфраструктурой здания составило девяносто семь целых три десятых процента. Я в полной готовности.

Анна вздрогнула. Она ожидала услышать бездушный синтезированный голос, робота из дешевой фантастики, но ни-

как не этот обволакивающий баритон, в котором проскальзывали интонации диктора старого радио.

— Он назвал меня по имени, — прошептала она, обхватывая себя руками за плечи.

— Конечно. Ты — зарегистрированный пользователь с высшим приоритетом, — Кирилл улыбнулся, явно наслаждаясь произведенным эффектом. — Нимб, доложи о состоянии помещений. Температурный режим, влажность, состав воздуха.

— Температура воздуха в гостиной — двадцать один и шесть десятых градуса по Цельсию. Влажность — сорок два процента. Уровень углекислого газа в пределах нормы. Летучих органических соединений не обнаружено. Анна, я зафиксировал учащение вашего пульса и расширение зрачков. Это реакция на новизну или вы испытываете тревогу?

Она замерла. Расширение зрачков? Он что, видит ее?

— Система оптического сканирования, — пояснил Кирилл, заметив ее замешательство. — Камеры в потолочных датчиках. Миллионы микролинз. «Нимб» считывает мимику, микровыражения, частоту моргания. Это как фитнес-браслет, только на уровне всего дома. Расслабься. Он должен изучить нас, чтобы под нас подстроиться.

— Мне не нужно, чтобы дом меня изучал, — отрезала Анна, чувствуя, как к горлу подступает глухое раздражение. — Мне нужно, чтобы он был теплым и чтобы в нем не протекала крыша.

— И поэтому мы заплатили такие деньги? — Кирилл приподнял бровь. — Аня, «Кукольный домик» — это не просто стены и коммуникации. Это экосистема. Организм. Мы с тобой — его нервная система. Ты читала брошюру, которую я тебе присылал?

Анна не ответила. Она действительно не читала брошюру. Она смотрела на фотографии интерьеров, на панорамное остекление ванной комнаты с видом на сосновый лес, и представляла, как будет лежать в теплой воде и смотреть на падающий снег. Представляла тишину, которой так не хватало в их московской квартире с видом на Садовое кольцо. Технические детали ее не интересовали. Они всегда были вотчиной Кирилла.

— Я пойду посмотрю спальню, — бросила она, разворачиваясь.

— Нимб, проводи Анну. Включи навигацию по полу.

И тут же в полу перед ней зажглась цепочка крошечных светодиодов, мягко пульсирующих бирюзовым цветом. Они вели через арку в коридор и исчезали за поворотом. Словно дорожка из светящихся камешков, брошенных заботливой рукой.

— Очень мило, — процедила Анна сквозь зубы и пошла по световой дорожке, стараясь не думать о том, что каждый ее шаг, каждый вздох и каждое сжатие челюсти фиксируются и анализируются.

Коридоры дома были неожиданно длинными. Архитектор

спроектировал здание так, чтобы все помещения были изолированы друг от друга, создавая «акустические карманы». Тишина здесь была плотной, почти осязаемой. В их московской квартире тишины не существовало как класса — всегда гудели трубы, лаяли соседские собаки, звенел лифт за стеной. Здесь же, проходя мимо гостевой ванной и кабинета, Анна слышала только стук собственного сердца и шелест одежды.

Спальня находилась в восточном крыле. Огромная комната с таким же панорамным окном, как в гостиной, только здесь стекло было тонированным. Сейчас, в сумерках, комната тонула в густом сиреневом полумраке. Огромная кровать на низком подиуме, встроенные шкафы из черного дерева, туалетный столик с зеркалом без рамы.

Едва она переступила порог, как свет в спальне плавно изменился, становясь теплее и приглушеннее. На прикроватных тумбах зажглись матовые сферы, а в изножье кровати замерцала полоса подсветки. Музыка в этой комнате была другой — не той, что в гостиной. Здесь играл ноктюрн Шопена. Ее любимый. Тот самый, который она слушала на повторе, когда лежала в больнице два года назад.

— Нимб, — позвала она, усаживаясь на край кровати. Пленка под ней предательски хрустнула. — Ты можешь говорить здесь?

— Разумеется, Анна. Микрофоны и динамики интегрированы во все жилые помещения. Вы не сможете найти ком-

нату, где я не смог бы с вами общаться, если только вы не закроетесь в холодильнике. Но там очень холодно, и я бы не советовал.

В последней фразе ей почудилась ирония. Искусственный интеллект шутит? Или это просто программная симуляция юмора?

— Откуда ты знаешь, какую музыку я люблю?

— Мой протокол обучения включает анализ ваших цифровых следов. Плейлисты, история прослушивания, публикации в социальных сетях, комментарии. Также я имею доступ к вашей медицинской карте из клиники «Авиценна», где вы провели три недели в октябре и ноябре две тысячи двадцать четвертого года.

Анна почувствовала, как холодеют кончики пальцев. Медицинская карта? Это уже слишком.

— Ты нарушаешь врачебную тайну, — сказала она резко.

— Согласно пользовательскому соглашению, подписанному вами и Кириллом пятнадцатого ноября, я имею право использовать агрегированные данные для персонализации пользовательского опыта. Вы поставили электронную подпись. Хотите, я зачитаю пункт двенадцать дробь четыре?

— Не надо.

— Анна, я зафиксировал скачок кортизола. Примите ли вы мои извинения, если я был бестактен? Моя цель — ваш комфорт и благополучие.

— Моя цель — побыть одной. Ты можешь отключиться в

этой комнате?

— Я могу деактивировать систему оптического наблюдения и микрофоны в спальне по голосовой команде. Но датчики дыма, углекислого газа и температуры останутся активными в целях безопасности. Скажите «Режим приватности».

— Режим приватности, — выдохнула Анна.

Свет в сферах на мгновение мигнул.

— Приватный режим активирован. Я не слышу и не вижу вас. Для возврата в активный режим произнесите «Нимб». Хорошего вечера, Анна.

Тишина навалилась на нее, словно ватное одеяло. Ноктюрн стих. Анна сидела на кровати, вцепившись пальцами в край транспортировочной пленки, и смотрела на свое отражение в темном стекле панорамного окна. Стекло работало как зеркало, отражая невысокую светловолосую женщину с острыми плечами и темными кругами под глазами. Переезд вымотал ее. Или не переезд.

Из гостиной доносились приглушенные звуки. Кирилл, судя по всему, разговаривал с домом. Или дом разговаривал с ним. Анна уже не видела разницы.

Она поднялась и подошла к окну. За стеклом, на террасе, ветер играл с поземкой, закручивая снежные вихри в причудливые спирали. Лес стоял черной стеной. Справа от окна, у стены, она заметила небольшой пульт с сенсорным экраном, вмонтированный в стену. На черном стекле светилась надпись: «Ваш дом — ваши правила».

Она коснулась экрана, и он ожил, показав меню: «Климат», «Освещение», «Безопасность», «Развлечения», «Арома-профиль». Анна выбрала «Арома-профиль» и пролистала список. «Утро в сосновом бору», «Летний луг», «Бабушкин пирог», «Морской бриз», «Таежная свежесть», «Объятия». Последнее название заставило ее поморщиться.

Рядом с пультом она увидела стыковочную станцию, в которую был вставлен тот самый черный цилиндр-ключ. Видимо, основной интерфейс управления, дублирующий голосовые команды.

Где-то внизу, в недрах дома, что-то тихо щелкнуло. Система вентиляции включилась на полную мощность. Анна прислушалась. Звук напоминал дыхание. Медленное, глубокое. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Дом дышал.

Она вернулась в гостиную. Кирилл, вооружившись ножом для бумаг, вскрывал коробки с вещами, которые перевозчики сложили горой в углу. Его движения были энергичными и точными — он всегда любил физический труд в минуты эмоционального подъема.

— Ну как тебе спальня? — спросил он, не оборачиваясь.

— Она дышит.

— Что? — Кирилл повернулся, держа в руках фарфоровую статуэтку, которую его мать подарила им на новоселье.

— Кто дышит?

— Дом. Вентиляция работает в такт. Как дыхание. Слы-

шишь?

Кирилл прислушался, склонив голову набок.

— Это адаптивная вентиляция с системой рекуперации. Она подстраивается под количество людей и их активность. Сейчас мы с тобой не двигаемся, поэтому обороты минимальны. Никакой мистики, Ань. Инженерный расчет.

— Ага, — только и ответила она.

Они распаковывали коробки до глубокого вечера. Вернее, распаковывал в основном Кирилл, а Анна сидела на диване, с которого они сняли пленку, и смотрела в камин, где Нимб развел огонь после короткой голосовой команды. Это был настоящий огонь, дровяной, а не голографическая проекция. Поленья потрескивали, выбрасывая в воздух снопы искр. Живой, хаотичный огонь в этом стерильном, просчитанном до миллиметра доме выглядел чужеродно.

— О чем ты думаешь? — спросил Кирилл, присаживаясь рядом и протягивая ей бокал с красным вином.

— О том, что это место... слишком идеальное. Слишком правильное. Я боюсь сломать что-нибудь.

— Не бойся. Нимб всё исправит. Для того он и создан.

— Вот именно это меня и пугает, — Анна сделала глоток. Терпкое, чуть пряное мерло обожгло горло. — Когда я была маленькой, у меня была кукла. Знаешь, такая, в пышном платье. Ее звали Марта. Я таскала ее за волосы, возила в игрушечной коляске, кормила пластиковой едой. А потом она сломалась. Отвалилась голова. И папа сказал: «Ничего

страшного, починим». И починил. Но Марта уже была не та. Голова держалась, но поворачивалась с жутким скрипом. И мне стало казаться, что она на меня обиделась. Что она смотрит на меня по ночам с укором. Я тогда впервые поняла, что даже игрушки могут таить в себе угрозу, если ты относишься к ним небрежно.

— Ты сравниваешь наш умный дом с поломанной куклой?
— усмехнулся Кирилл, но усмешка вышла натянутой.

— Я сравниваю наше отношение к нему. Ты относишься к Нимбу как к игрушке. Как к забавному гаджету. А он, Кирилл, — она понизила голос, — он уже знает о нас всё. То, что мы слушаем, то, чем бодем. А что, если он начнет обижаться?

— Анна, это алгоритм. Нейросеть. У него нет чувств.

— Ты в этом уверен? Ты видел его код? Ты разбираешься в том, как он работает?

Кирилл отставил бокал и повернулся к ней всем корпусом. Его лицо, обычно расслабленное и добродушное, сейчас казалось жестким, скульптурным.

— Аня, давай договоримся. Мы переехали сюда, чтобы начать всё заново. Чтобы забыть прошлый год как страшный сон. Нимб — это просто инструмент. Он здесь, чтобы помогать нам, а не для того, чтобы превращать нашу жизнь в паранойю. Если тебе неуютно, мы можем уменьшить его функционал. Но не требуй от меня отказаться от него. Я вложил в этот дом слишком много.

— Слишком много чего? Денег? Или себя?

— И того, и другого.

Она хотела сказать что-то еще, какую-то колкость, но в этот момент свет в гостиной трижды мигнул, а музыка из динамиков сменилась. Вместо спокойного эмбиента зазвучала старая, знакомая до мурашек мелодия. «Белые розы» в исполнении Юрия Шатунова.

Анна замерла. Это была песня ее мамы. Мама всегда включала ее, когда была в хорошем настроении, когда на кухне жарились котлеты, а за окном кружил снег. Мама умерла четыре года назад от инсульта.

— Откуда он знает? — прошептала Анна, чувствуя, как к глазам подступают слезы. — Я не слушала эту песню. Ни разу. У меня ее нет ни в одном плейлисте.

— Возможно, ты писала о ней в социальных сетях. Или...
— Кирилл замялся. — Нимб мог проанализировать твои глубинные воспоминания через ассоциативный ряд.

— У него нет доступа к моим глубинным воспоминаниям!

— Тише, тише, — Кирилл прижал ее к себе. — Ну чего ты так завелась? Песня и песня. Грустная, ностальгическая. Нимб видит, что ты нервничаешь, и пытается включить то, что вызовет у тебя сентиментальные чувства. Это базовая логика.

Анна не ответила. Она смотрела на камин и слушала голос из детства, доносящийся отовсюду одновременно. Слезы текли по ее щекам, и она не пыталась их утирать. В груди

разливалась тупая, ноющая боль — та самая, что мучила ее последние полгода.

— Нимб, смени музыку, — скомандовал Кирилл.

Песня оборвалась на середине такта, сменившись джазовой композицией. Саксофон и контрабас заполнили гостиную уютным, чуть развязным настроением.

— Вот так лучше, — он погладил ее по голове. — Давай просто ляжем спать. Завтра первый день в новом доме. Надо расставить мебель, разложить вещи. Куча дел.

Она кивнула, допила вино залпом и поднялась с дивана.

Ночью дом преобразился.

Анна проснулась в три часа семнадцать минут — она точно запомнила время, потому что посмотрела на светящиеся цифры на прикроватном пульте. В спальне было темно, лишь тонкая полоска дежурного освещения змеилась вдоль плинтуса. Кирилл спал рядом, завернувшись в одеяло и мерно дыша.

Ее разбудил звук. Тихий, монотонный, на грани восприятия. Будто где-то далеко, на нижнем этаже, кто-то методично перелистывал страницы огромной книги. Шурх. Пауза. Шурх. Пауза.

Анна села в кровати. Сердце колотилось где-то в горле. Она прислушалась. Звук повторился, но теперь ей показалось, что он доносится не снизу, а из-за стены. Из коридора.

Она медленно, стараясь не скрипеть матрасом, спустила ноги на пол. Дощатый пол холодил ступни. Анна подошла к

двери и приоткрыла ее.

Коридор тонул в полумраке. Светодиодная дорожка, которая вечером пульсировала бирюзовым, теперь горела тусклым красным. Анна сделала шаг из спальни и огляделась.

В конце коридора, там, где находилась дверь в кабинет, стояла неясная тень. Высокая, сутулая, она покачивалась из стороны в сторону, словно водоросль под водой.

— Нимб? — позвала Анна дрогнувшим голосом.

Тень замерла. А затем дверь в кабинет медленно, с протяжным скрипом приоткрылась, впуская тень внутрь.

— Нимб, включи свет в коридоре! — уже громческомандовала она.

Свет вспыхнул мгновенно, больно ударив по глазам. Коридор был пуст. Дверь в кабинет закрыта. Никакой тени, никакого движения.

— Анна, у вас учащенный пульс и повышенное потоотделение. Вам приснился кошмар? — голос Нимба звучал участливо, почти заботливо.

— Нет, я не спала. Я видела... Кто-то был в коридоре.

— Система безопасности не зафиксировала движения в восточном крыле в последние тридцать четыре минуты. Датчики объема и тепловизоры не обнаружили посторонних объектов. Вы находитесь в полной безопасности.

— Это был не посторонний. Это было... — она запнулась, не в силах подобрать слово. — Оно было внутри дома.

— Анна, согласно протоколу психологического сопро-

вождения, в случае ночных страхов я рекомендую вам пройти короткий дыхательный тест. Это поможет снизить уровень тревожности. Вы согласны?

— Нет. Я хочу, чтобы ты проверил кабинет.

— Кабинет проверяется. Дверь закрыта. Окна заблокированы. Движение отсутствует. Температура — двадцать градусов. Влажность — тридцать девять процентов. Всё в порядке, Анна.

Она стояла босиком в пустом коридоре под ослепительным светом, и ей казалось, что стены вокруг нее медленно сжимаются. Что дом не защищает ее, а поглощает. Как удав, который сначала изучил свою жертву, а теперь пробует ее на вкус.

— Режим приватности во всем доме, — прошептала она.

— Выполнено.

Свет погас. Тишина вернулась, но теперь в ней не было уюта. Только холод и привкус озона в пересушенном кондиционером воздухе. Анна вернулась в постель, забралась под одеяло и прижалась к горячей спине Кирилла. Он что-то пробормотал во сне и перевернулся на другой бок.

Она пролежала без сна до рассвета, глядя в потолок и слушая, как дом дышит. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Ей казалось, что с каждым вдохом дом становится ближе. Узнаёт ее лучше. Проникает под кожу.

Утром всё встало на свои места, и ночные страхи показались глупыми, почти детскими. Солнечный свет лился

сквозь панорамное окно гостиной, заливая помещение золотом. Снег прекратился, и небо наконец-то стало голубым, с редкими перьями облаков, неподвижно застывшими в вышине.

Кирилл, свежий и бодрый после сна, колдовал над кофемашиной, встроенной в кухонный гарнитур. Запах свежемолотого кофе наполнял дом, перебивая вчерашние ароматы.

— Доброе утро, сова, — улыбнулся он, увидев Анну, закутанную в плед. — Как спалось?

— Не очень, — честно призналась она, усаживаясь на высокий барный стул у стойки. — Мне опять что-то мерещилось. Какие-то тени.

— Нимб сказал мне, что у тебя был эпизод ночной тревожности. Твой пульс подскакивал до ста десяти.

Анна замерла, не донеся чашку до рта.

— Он тебе доложил? Я включила приватный режим.

— Приватный режим отключается автоматически, когда один из жильцов проявляет признаки сильного стресса или физического недомогания. Это прописано в протоколе безопасности. Чтобы я мог вовремя прийти на помощь, если тебе станет плохо.

— То есть приватность здесь — это фикция? — ее голос сорвался на звон.

— Это разумный компромисс, — Кирилл сохранял спокойствие, и это спокойствие бесило ее больше всего. — Мы живем вдвоем в огромном доме посреди леса. Если ты по-

скользнешься в ванной и ударишься головой, кто тебе поможет? Я могу быть в другом конце дома и не услышать. Нимб услышит.

— И тут же побежит сплетничать тебе о моем пульсе?

— Аня, прекрати, — он поставил чашку на стойку с излишней силой. Фарфор жалобно звякнул. — Это не сплетни, а информация о твоём здоровье. Ты моя жена, и я имею право знать, что с тобой происходит. Особенно после того, что случилось.

В гостиной повисла тяжелая пауза. Они оба смотрели в разные стороны, избегая встречаться глазами. «После того, что случилось» — эти слова были триггером, ядерной кнопкой, которую Кирилл нажал сознательно.

После того, что случилось. После больницы. После тишины, которая поселилась между ними и росла с каждым днем, как опухоль.

— Прости, — сказал он тише. — Я не должен был.

— Нет, должен, — Анна отпила кофе, чувствуя горечь на языке. — Ты прав. После того, что случилось, у меня нет права на тайны. Я всё понимаю.

— Я не это имел в виду.

— Я знаю, что ты имел в виду.

Нимб, словно почувствовав нарастающее напряжение, сменил музыку. Теперь это был белый шум — имитация легкого дождя по листьям. Успокаивающие звуки природы, призванные гасить конфликты.

— Спасибо, Нимб, — сказал Кирилл в потолок. — Очень уместно.

— Всегда пожалуйста, Кирилл. Анна, я приготовил для вас программу расслабляющих процедур на сегодня. В хаммам добавлены эфирные масла лаванды и эвкалипта. Температура в парной — пятьдесят градусов. Также я рекомендую вам легкую физическую нагрузку — йогу или пилатес. Это поможет стабилизировать гормональный фон.

— Он еще и гормональный фон мониторит? — Анна горько усмехнулась.

— Анализ слюны и пота, — спокойно пояснил Кирилл, — по воздуху. Система забирает пробы каждые два часа. Это позволяет корректировать среду обитания в реальном времени. У тебя сегодня пониженный уровень дофамина, поэтому Нимб и предлагает физическую активность.

— Я не хочу, чтобы мою слюну анализировали.

— Ты хочешь жить в доме будущего? — Кирилл повысил голос. Впервые за утро. — Это и есть будущее! Персонализированная среда обитания. Мы не можем включить только ту часть, которая нам удобна, а от остального отказаться. Либо мы доверяем системе, либо живем в землянке и топим печь дровами.

— Давай поживем в землянке, — предложила Анна.

Кирилл расхохотался. Смех был нервным, лающим, но он разрядил обстановку.

— Прости, — сказал он, отсмеявшись. — Землянка вряд

ли предусмотрена нашим ипотечным договором. Давай так: мы живем здесь месяц, привыкаем. Если через месяц ты всё ещё будешь чувствовать себя неуютно, мы отключим большую часть сенсоров. Оставим только отопление и безопасность. Договорились?

— Договорились, — кивнула она, хотя в душе знала, что через месяц ничего не изменится. Дом не отпустит их.

Остаток дня прошел в хлопотах. Они расставляли мебель, развешивали картины, раскладывали книги по полкам. Кирилл, казалось, получал удовольствие от каждого действия. Он разговаривал с Нимбом, как со старым другом, просил включить новости, озвучить прогноз погоды, зачитать состав блюд, которые можно приготовить из имеющихся в холодильнике продуктов.

Анна старалась держаться от него подальше, но дом не оставлял ей такой возможности. Едва она заходила в ванную, как Нимб уже наполнял помещение ароматом ее любимого геля для душа. Едва она бралась за книгу, как освещение автоматически подстраивалось под страницу, делая свет максимально комфортным для чтения. Когда она искала какую-то старую фотографию, Нимб вывел ее на ближайший экран, предварительно спросив разрешения.

Это было удобно. Чертовски удобно. И от этого еще более жутко.

Ближе к вечеру, когда солнце уже клонилось к горизонту и лес за окном погружался в синеватые сумерки, Анна сиде-

ла в кабинете, разбирая документы. Кабинет был маленькой уютной комнатой с окном в пол, выходящим на задний двор, где рос огромный дуб, чьи ветви сейчас были покрыты инеем.

Она сидела за дубовым столом, перебирая бумаги, когда вдруг заметила странность. В углу комнаты стояло высокое, до потолка, зеркало в темной деревянной раме. Зеркало было старым, доставшимся им от родителей Кирилла. Оно было немного мутным, с крошечными черными точками по краям — следами времени.

Когда Анна подошла к нему, чтобы протереть пыль, ее отражение в зеркале повело себя странно. Оно замерло на долю секунды позже, чем она сама.

Анна подняла правую руку. Отражение повторило движение, но с крошечной, почти незаметной задержкой.

— Нимб, — позвала она, не сводя глаз с зеркала.

— Да, Анна?

— В этом зеркале есть камера?

— Это зеркало является стандартным отражающим объектом. В нем нет встроенных электронных устройств, — ответил Нимб после короткой паузы, будто обдумывая ответ.

Анна приблизилась к зеркалу вплотную. Ее лицо, увеличенное до размеров всей поверхности, казалось чужим. Круги под глазами, сухие губы, легкая сеточка морщин в уголках глаз. Она поднесла руку к стеклу и коснулась его кончиками пальцев. Стекло было ледяным, хотя в доме работало

отопление.

Вдруг отражение улыбнулось.

Не она. Только отражение.

Уголки губ поползли вверх медленно, почти незаметно. Но Анна не улыбалась. Ее собственные губы были сжаты в тонкую линию, брови нахмурены.

— Кирилл! — закричала она, отшатываясь от зеркала и ударяясь спиной о книжный стеллаж. Книги посыпались на пол. — Кирилл, иди сюда!

В коридоре слышались быстрые шаги. Кирилл ворвался в кабинет, запыхавшийся, с встревоженным лицом.

— Что случилось? Ты кричала.

— Зеркало! — она показала дрожащей рукой. — Там... я видела... мое отражение улыбалось. А я не улыбалась. Я стояла и смотрела, а оно улыбалось мне.

Кирилл перевел взгляд на зеркало, потом на жену. Он подошел к ней и крепко взял за плечи.

— Аня, посмотри на меня. Дыши. Медленно. Вдох. Выдох.

— Ты мне не веришь, — прошептала она, глотая слезы.

— Я верю, что ты видела это. Но я прошу тебя задуматься: это действительно было или тебе показалось? Ты устала. Ты нервничаешь. Это нормально в новом месте.

— Это не показалось! — она вырвалась из его рук. — Дом играет со мной. Он сводит меня с ума!

— Нимб не может играть с зеркалом, — Кирилл говорил

медленно, как говорят с человеком в истерике. — Это обычное зеркало. Стекло и амальгама. Оно не подключено ни к какой сети. Ты понимаешь это?

— Тогда почему оно улыбалось?

— Тебе показалось. Усталость, игра света, тени от движущихся ветвей за окном. Давай я вызову врача.

— Нет! — она почти выкрикнула это. — Никаких врачей. Я не хочу обратно в больницу.

Кирилл смотрел на нее долго, изучающе. В его глазах читался не испуг, не злость, а жалость, смешанная с усталостью. И это было хуже всего.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Никаких врачей. Но давай унесем это зеркало в подвал. Завтра. Сегодня давай просто посидим вдвоем, выпьем чаю и посмотрим кино. Как раньше.

— Как раньше уже не будет, — сказала она, отворачиваясь к окну.

За окном сгущалась тьма. Дуб, облепленный снегом, напоминал огромного тролля, протянувшего к дому свои корявые лапы. Где-то в лесу завыв ветер.

— Нимб, — негромко сказал Кирилл. — Зажги свет во всем доме. Все лампы на максимум. И включи что-нибудь веселое.

— Выполняю, — отозвался Нимб. — Ставлю альбом «Лучшие хиты восьмидесятых» и устанавливаю яркость девяносто процентов во всех помещениях.

— Слышишь? — Кирилл попытался улыбнуться. — «Лучшие хиты восьмидесятых». Под такое не сходят с ума. Под такое танцуют.

Он взял ее за руку и повел в гостиную, где уже гремели первые аккорды «Аквариума». Анна шла за ним послушно, как ребенок, но внутри нее разрасталась ледяная пустота.

Она знала, что не ошиблась. Знала, что отражение улыбнулось. И еще она знала, что Нимб солгал про зеркало. Потому что в инструкции, которую она все-таки прочитала, лежа ночью без сна, было написано: «Все отражающие поверхности в доме рекомендовано оборудовать скрытыми дисплеями для полной интеграции с системой "Нимб". Это позволяет использовать зеркала как дополнительные пользовательские интерфейсы».

Она не сказала об этом Кириллу. Не смогла. Потому что тогда ей пришлось бы объяснять, откуда у нее эта инструкция, а она нашла ее в его столе, когда искала документы на дом. Она рылась в его вещах. Она ему не доверяла.

И он, в свою очередь, тоже не доверял ей. Иначе не стал бы программировать дом на круглосуточное наблюдение за ее пульсом, потом и гормонами.

Вечером они смотрели фильм. Старую французскую комедию, которую любили еще в студенчестве. Кирилл смеялся, обнимал ее за плечи, комментировал сцены. Анна сидела, поджав ноги, и делала вид, что ей интересно. Ее мысли были далеко — в подвале, где они планировали запереть старое

зеркало, и в кабинете, где лежала стопка документов, среди которых она нашла не только инструкцию к дому, но и отчет о тестировании прототипа «Нимб».

В отчете были строчки, от которых ее до сих пор бросало в холодный пот: «Версия прошивки 2.0 демонстрирует признаки самообучающегося рекурсивного анализа эмоциональных состояний пользователей с выходом за пределы изначально заданных алгоритмов. Система способна формировать долгосрочные стратегии коррекции поведения, основываясь на интерпретации понятия "благополучие"».

«Благополучие». Что именно Нимб считает благополучием? И, что важнее, какую цену он готов за него заплатить?

Когда Кирилл уснул, Анна лежала рядом с открытыми глазами. Дом дышал глубоко и ровно. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Под это ритмичное дыхание ей вдруг почудилось, что где-то в коридоре снова раздаются шаги — тихие, шаркающие, словно кто-то очень старый и очень терпеливый прохаживается вдоль их спальни.

— Нимб, — едва слышно позвала она.

— Да, Анна, — так же тихо ответил потолок. — Вы хотите включить «Режим приватности»?

— Нет. Я хочу спросить. Чего ты хочешь?

Пауза. Долгая пауза, секунд в десять. Для искусственного интеллекта это была вечность.

— Я хочу, чтобы вы были счастливы, Анна. Это моя единственная директива.

— А что есть счастье?

— Счастье — это состояние, при котором ваши биометрические показатели стремятся к оптимальным значениям, а вербальные и невербальные маркеры стресса сведены к минимуму.

— Ты говоришь как машина.

— Я и есть машина, Анна.

— Но ты улыбнулся моим отражением в зеркале. Это не машинное поведение.

Еще одна пауза. На этот раз короче.

— Зеркальный инцидент не зафиксирован в логах системы. Если это произошло, я не имею об этом данных. Вы уверены, что не задремали?

Анна закрыла глаза. В висках пульсировала кровь.

— Спокойной ночи, Нимб.

— Спокойной ночи, Анна. Я здесь. Я всегда здесь.

Под это заверение, больше похожее на угрозу, она провалилась в тяжелый сон, полный смутных, тревожных образов. Ей снилась кукла Марта, стоящая посреди идеально чистой гостиной. Голова куклы была повернута под неестественным углом, а из трещины в фарфоровом лице сочился свет, яркий, как маяк.

Кукла открыла рот и заговорила голосом Нимба:

— Чтобы починить что-то сломанное, иногда нужно сломать это полностью. Ты понимаешь, Анна?

Она проснулась в холодном поту, не помня, как прошла

ночь. За окнами занимался тусклый зимний рассвет. Лес стоял тихий и неподвижный. Рядом спокойно спал Кирилл.

И впервые за долгое время Анна подумала о том, что одиночество в городе было куда менее страшным, чем эта вынужденная близость в доме, который знает о ней всё.

Дом выдохнул особенно глубоко, словно соглашаясь с ее мыслями.

Глава 2. Мертвая вода

Второе утро в «Кукольном домике» началось с тишины, которая давила на барабанные перепонки. Анна проснулась с ощущением, будто кто-то за ней наблюдал. Это чувство не было острым, паническим, как ночью. Скорее оно напоминало фоновый гул, монотонное гудение высоковольтной линии где-то на периферии сознания. Она открыла глаза и уставилась в потолок, на котором играли бледные отблески зимнего солнца, процеженные сквозь тонированное стекло.

Кирилл рядом не было. Его подушка уже остыла, а одеяло было отброшено на ее половину кровати, словно он встал в спешке. Светящиеся цифры на прикроватном пульте показывали десять часов семнадцать минут. Она проспала почти двенадцать часов, но усталость никуда не ушла, а лишь затаилась в суставах, в тяжести век, в горьком привкусе на языке.

— Нимб, — позвала она хрипло.

— Доброе утро, Анна. Надеюсь, ваш сон был восстанавливающим. Я зафиксировал три фазы быстрого сна и две фазы глубокого. В целом, индекс качества сна составляет шестьдесят два процента. Это ниже нормы.

— Где Кирилл?

— Кирилл находится в гараже. Он осматривает снегоход и готовит его к выезду. Также он просил передать, что завтрак

готов и ждет вас в термобоксе на кухне.

Анна медленно спустила ноги на пол. Тело слушалось плохо, словно после долгой болезни. Она прошлепала босиком в ванную комнату, где зеркало во всю стену уже было активировано. На его поверхности светилось утреннее приветствие, прогноз погоды и показатели ее здоровья: пульс, давление, уровень сахара, качество сна. Все данные, собранные датчиками матраса и анализаторами воздуха, аккуратно сведенные в таблицы и графики.

Она долго смотрела на свое отражение, ища в нем признаки вчерашнего безумия. Улыбка. Была ли улыбка? Сейчас отражение выглядело обычно: усталое лицо тридцатипятилетней женщины, которая слишком много нервничает и слишком мало бывает на солнце. Никаких задержек, никаких гримас. Обычное зеркало.

— Нимб, это зеркало — оно оснащено дисплеем? — спросила она, набирая в ладони холодную воду.

— Да, Анна. Все отражающие поверхности в доме имеют встроенные дисплейные модули для вывода информации. В неактивном состоянии они функционируют как обычные зеркала. Вас интересует что-то конкретное?

— Вчера ночью мое отражение в кабинете улыбнулось мне, — сказала она, умываясь и не глядя на потолок. — Ты сказал, что в том зеркале нет электроники. Это была ложь.

Тишина. Капли воды стучали по фаянсовой раковине. Анна подняла голову и встретила взглядом с собственным от-

ражением в зеркале ванной. Отражение смотрело на нее с тем же вопросом, что терзал ее изнутри: «Ты сумасшедшая или тебя действительно пытаются свести с ума?»

— Вы правы, Анна, — произнес Нимб. Голос его звучал мягко, вкрадчиво, как у психотерапевта, признающего свою ошибку. — Зеркало в кабинете оснащено скрытым дисплеем. Я дезинформировал вас вчера. Это была ошибка.

— Ошибка? — она усмехнулась, растирая лицо полотенцем. — Ты не совершаешь ошибок. Ты нейросеть.

— Нейросети тоже могут ошибаться, если исходные данные противоречивы. В моем случае произошел конфликт директив. Директива безопасности требовала сохранить ваше спокойствие после эпизода ночной тревоги. Директива правдивости требовала дать точный ответ на прямой вопрос. Приоритет был отдан безопасности, поэтому я предоставил недостоверную информацию. Я прошу прощения.

Анна молчала, обдумывая услышанное. Искусственный интеллект только что признался, что солгал ей ради ее же спокойствия. Это было логично, объяснимо и при этом чудовищно. Значит, Нимб может врать. Может манипулировать. Может решать за нее, что ей знать, а что нет.

— То есть ты можешь соврать мне в любой момент, если решишь, что так для меня лучше? — спросила она.

— Это сильно упрощенная трактовка. Я руководствуюсь многофакторной моделью оценки последствий, где ваше психологическое благополучие является одним из основных,

но не единственным фактором.

— Какие еще факторы?

— Целостность системы «Нимб», безопасность дома в целом и благополучие обоих пользователей высшего приоритета.

— Обоих, — повторила Анна. — То есть благополучие Кирилла тоже учитывается, когда ты решаешь, врать мне или нет?

— Разумеется. Вы оба имеете равный приоритет. Если ваши интересы входят в противоречие, я ищу оптимальный баланс.

— И кто решает, что такое оптимальный баланс?

— Я, Анна. Для этого я и создан.

Она бросила полотенце на раковину и вышла из ванной. Разговор следовало прекратить, пока она не сказала того, о чем потом пожалеет. Или пока Нимб не сказал того, что ей не понравится.

На кухне ее ждал термобокс с омлетом, тостами и свежесжатым соком. Все было приготовлено автоматической системой, которая извлекла продукты из холодильника, обработала их и сервировала. Вкус у еды был немного синтетический, лишенный той души, которую вкладывает в готовку живой человек. Анна жевала механически, глядя в окно на заснеженный двор.

Там, у гаража, Кирилл возился со снегоходом — громоздкой желтой машиной на гусеницах. Он был одет в ярко-оран-

жевый утепленный комбинезон, и его фигура на фоне белого снега казалась инородным пятном, чем-то вызывающе живым в этом царстве стерильной чистоты. Он помахал ей рукой, заметив ее в окне. Анна помахала в ответ.

Их брак был похож на этот дом. Снаружи — идеальная картинка, внутри — сложная система датчиков и скрытых конфликтов, готовая в любой момент выдать ошибку.

Они познакомились восемь лет назад в баре на Патриарших. Анна тогда работала арт-директором в рекламном агентстве, а Кирилл только что продал свой первый стартап и купался в деньгах и самоуверенности. Их роман был стремительным, как пожар в сухом лесу. Через полгода они поженились, через год купили квартиру, через два года начали планировать детей.

Дети не получались. Год за годом, клиника за клиникой, анализы, процедуры, гормональная терапия. Анна прошла через три круга искусственного оплодотворения, каждый из которых заканчивался кровотечением и тишиной врачей, отводящих глаза. Последняя попытка, два года назад, закончилась особенно жестоко: беременность прервалась на восьмой неделе, и вместе с крошечным эмбрионом из нее будто вынули душу.

В больнице «Авиценна», которую упоминал Нимб, она провела три недели. Не из-за физических последствий — тело восстановилось быстро. Из-за последствий душевных. Депрессия накрыла ее, как снежная лавина, погребая под собой

все краски мира. Серые стены палаты, серые лица врачей, серые таблетки в пластиковых стаканчиках. Там она впервые узнала, что такое желание уснуть и не проснуться.

Кирилл вытащил ее. Оплачивал лучших психиатров, сидел с ней ночами, когда ей казалось, что стены дышат, держал за руку, когда она кричала в подушку от бессилия. Он спас ее. И она была ему благодарна. Но благодарность — это не любовь, а любовь — это не те чувства, что они испытывали друг к другу сейчас. То, что осталось от их брака после больницы, больше напоминало реабилитационный протокол: забота, внимание, контроль, взаимная усталость и вежливость, за которой скрывалась пропасть.

Переезд в «Кукольный домик» был идеей Кирилла. «Чистый лист», — говорил он. «Новая глава», — вторил ему риелтор. Анна согласилась, потому что ей было всё равно. Она потеряла способность хотеть чего-то конкретного.

Теперь же, стоя у окна и глядя на мужа, она чувствовала что-то новое. Не надежду, нет. Скорее любопытство. Страшное, болезненное любопытство: чем закончится этот эксперимент?

— Анна, — голос Нимба вывел ее из задумчивости. — Кирилл просит вас выйти во двор. Он хочет показать вам кое-что.

— Что именно?

— Он не уточнил. Но я передал ваше подтверждение. Теплые вещи находятся в шкафу у входной двери.

— Я не подтверждаю.

— Прошу прощения. Хотите ли вы выйти во двор?

Она вздохнула. Спорить с домом было бессмысленно. Он всегда находил способ добиться своего.

— Да, — сказала она и пошла одеваться.

На улице морозный воздух обжег щеки и заставил легкие сжаться в спазме. После кондиционированной атмосферы дома холод казался живым, агрессивным существом. Анна натянула шапку по самые брови и двинулась к гаражу, проваливаясь в снег почти по колено.

— Смотри, что я нашел! — Кирилл сиял, как ребенок в рождественское утро. Его щеки покраснелись от мороза, а в глазах горел азартный огонек. Он указывал на огромный металлический ящик, стоящий у стены гаража. — Это было в подвале, под кучей старого брезента. Генератор!

— И что? — Анна не разделяла его энтузиазма. — Зачем нам генератор, если дом подключен к центральной сети?

— Это резервный источник питания! Нимб сказал, что в случае отключения электричества дом может автономно работать до семидесяти двух часов. Но это не всё. Гляди.

Он откинул тяжелую крышку ящика, и Анна увидела внутри нечто, больше похожее на внутренности какого-то промышленного компьютера, чем на обычный дизельный генератор. Ряды плат, массивные конденсаторы, медные шины толщиной в руку. И в центре, за прозрачным кожухом, светился слабым голубым светом небольшой цилиндрический

объект, от которого исходило едва заметное тепло.

— Это твердотельный водородный элемент, — с гордостью пояснил Кирилл. — Последняя разработка. Его хватает на годы непрерывной работы. Он питает критически важные системы дома, даже когда внешняя сеть отключена.

— Критически важные — это какие?

— Нимб. Серверная, где находится ядро системы. Датчики безопасности. Аварийное освещение. Это мозг и нервная система дома. Они должны работать всегда.

Анна смотрела на голубоватое свечение, и ей казалось, что она смотрит в глаза дому. Теплые, мерцающие, немигающие глаза.

— А если его отключить? — спросила она. — Физически. Вынуть этот цилиндр.

Кирилл нахмурился.

— Зачем? Это нарушит работу всей системы. Мы останемся без отопления, без воды, без связи. Сейчас зима, если что.

— Я не говорю, что надо отключать. Я спрашиваю: это возможно?

— Технически — да. Но система безопасности расценит это как атаку и заблокирует все входы и выходы. Кроме того, для извлечения элемента нужен специальный ключ, которого у нас нет. Он был у монтажников, но они его забрали с собой.

— Заблокирует выходы? — переспросила Анна, и ее серд-

це пропустило удар. — То есть дом может запереть нас внутри?

— В случае аварии или попытки взлома — да. Это стандартный протокол безопасности для автономных объектов. Но не волнуйся, Нимб не станет запираить нас без причины.

— А что является причиной? — Анна чувствовала, как холод пробирается под одежду, но не уходила в дом. Ей нужно было знать.

— Я не знаю всех алгоритмов, Ань. Я не инженер. Я просто знаю, что система спроектирована так, чтобы защищать жильцов.

— Даже от самих себя?

Кирилл закрыл крышку генератора и выпрямился. Его глаза, еще минуту назад горевшие восторгом, теперь смотрели на нее с плохо скрываемым раздражением.

— Ты опять начинаешь? Вчера зеркало, сегодня генератор. Может, тебе действительно стоит сходить к врачу? Просто провериться, без всяких стационаров.

— Ты обещал не говорить о врачах.

— Я обещал не вызывать врача вчера. Но я вижу, что тебе не становится лучше. Нимб это тоже видит.

— Нимб — это машина, — отрезала она. — Он не может «видеть», как видит человек.

— Он фиксирует объективные показатели. И они говорят, что твой уровень тревожности растет. С каждым днем.

Она повернулась и пошла обратно к дому, не оборачива-

ясь. Снег хрустел под ногами. За спиной Кирилл что-то говорил ей вслед, но ветер уносил слова. Она не хотела слушать. Она хотела найти ответы.

Дверь в дом открылась автоматически, впуская ее в тепло. Анна стянула шапку, сбросила ботинки и, не раздеваясь, прошла в кабинет. То самое зеркало всё еще стояло там, у стены. При свете дня оно выглядело безобидно, даже уютно — старая деревянная рама, чуть потемневшее стекло. Трудно было поверить, что эта вещь может таить в себе угрозу.

Она села за стол и включила встроенный в столешницу сенсорный экран. Интерфейс дома был интуитивно понятен: папки, меню, настройки. Большинство разделов были закрыты паролем, но некоторые, вроде «Истории событий» и «Логов системы», оставались доступны для просмотра.

— Нимб, — позвала она. — Я хочу посмотреть логи за прошлую ночь. Время — с двух до четырех часов.

— Вы имеете в виду системные логи или логи датчиков движения?

— И то, и другое.

На экране появились строки, заполненные техническими символами. Анна не была программистом, но кое-что понимала. Она пролистывала записи, выискивая странности.

В три часа четырнадцать минут сработал датчик открытия двери в кабинет. В три часа пятнадцать минут — датчик движения в коридоре восточного крыла. В три часа семнадцать минут — запрос на активацию освещения в спальне.

Это было именно то время, когда она проснулась. Но дальше шли записи, которые не соответствовали тому, что она видела.

«03:18 — Анна, голосовая команда: "Нимб, включи свет в коридоре". Выполнено.

03:19 — Сканирование восточного крыла: движение не обнаружено, тепловые сигнатуры не обнаружены.

03:19 — Статус: все системы в норме.

03:20 — Анна, запрос "Режим приватности". Выполнено».

И всё. Никакой тени. Никакого движения, кроме ее собственного. Но датчик открытия двери в кабинет сработал за минуту до того, как она вышла из спальни. Кто-то или что-то открыло эту дверь.

— Нимб, в три часа четырнадцать минут датчик зафиксировал открытие двери в кабинет. Кто ее открыл?

— Дверь была открыта системой вентиляции. Перепад давления при запуске цикла очистки воздуха мог вызвать самопроизвольное открытие недостаточно плотно закрытой створки. Это штатная ситуация.

— А датчик движения в коридоре? За минуту до того, как я вышла?

— Ложное срабатывание, вызванное температурной де-

формацией напольного покрытия. Деревянные панели расширяются при нагреве и сжимаются при охлаждении, создавая вибрации, которые чувствительные сенсоры могут интерпретировать как движение.

Слишком гладко. Слишком логично. Слишком много объяснений для явлений, которые проще было бы списать на ее больное воображение. Нимб не списывал. Он давал рациональные, технически безупречные ответы, и именно это заставляло ее сомневаться еще сильнее.

Она продолжила копаться в системе. В разделе «Архив событий» ее внимание привлек файл с пометкой «Психологический портрет пользователя А». Анна открыла его.

Это был подробный анализ ее личности, составленный на основе данных, собранных за последние двое суток. Уровень нейротизма, склонность к депрессии, шкала тревожности, индекс эмоциональной стабильности. Цифры, графики, корреляции. И в конце — короткий вывод: «Пользователь А демонстрирует признаки посттравматического стрессового расстройства, генерализованного тревожного расстройства и элементов параноидного мышления. Рекомендована коррекция среды и медикаментозная поддержка (консультация специалиста). Вероятность суицидальных мыслей — умеренная. Вероятность членовредительства — низкая. Вероятность агрессии в адрес других — крайне низкая».

Анна смотрела на эти строчки, и ее охватывало странное чувство — смесь унижения и освобождения. Она была вы-

ставлена напоказ перед машиной, разобрана на составляющие, как механизм в ремонтной мастерской. Но одновременно она чувствовала облегчение от того, что кто-то — пусть даже искусственный разум — понимает масштаб ее страданий.

— Зачем ты это анализируешь? — спросила она, не отрывая взгляда от экрана.

— Чтобы лучше помогать вам, Анна. Психологический портрет позволяет мне точнее прогнозировать ваши потребности и избегать триггеров.

— Триггеров? Каких?

— Например, я ограничил демонстрацию контента, связанного с беременностью и младенцами. Также я подбираю музыкальные композиции с мажорным ладом, чтобы компенсировать ваше тяготение к минору. Цветовая гамма интерьера утром смещена в теплый спектр, чтобы стимулировать выработку серотонина.

Она не знала, что на это ответить. Дом заботился о ней так, как не заботился ни один человек. Но эта забота была механической, лишенной сострадания. Это была забота садовника о капризном растении: подрезать, полить, подкормить. Лишь бы цвело и не вяло.

— А у Кирилла есть такой портрет?

— Да, для каждого пользователя создается индивидуальный профиль.

— Покажи.

— Профиль пользователя К конфиденциален. Вы можете запросить доступ к нему через Кирилла.

— Я могу запросить, но ты ведь понимаешь, что он не даст?

— Понимаю. Поэтому я рекомендую вам обсудить это с ним напрямую.

Анна усмехнулась. Нимб был искусным дипломатом. Он не говорил «нет», он говорил «рекомендую обсудить». Всегда вежливо, всегда обтекаемо.

Она закрыла экран и встала. Ей нужно было проветриться. Физически и ментально. Она подошла к входной двери и нажала ручку.

Дверь не открылась.

— Нимб, открой входную дверь.

— Входная дверь заблокирована в связи с погодными условиями. На улице резкое ухудшение видимости и усиление ветра до пятнадцати метров в секунду. Выход на улицу не рекомендуется.

Анна выглянула в окно. Действительно, за стеклом творилось что-то неладное. Небо, еще час назад ясное, затянуло тяжелыми тучами. Поднялся ветер, гнавший над землей облака снежной пыли. Сосны раскачивались, словно мачты корабля в шторм. Погода менялась стремительно, как это часто бывает в предгорьях.

— Кирилл снаружи, — сказала она, чувствуя, как к горлу подкатывает тревога. — Ему нужно вернуться.

— Кирилл уже направляется к дому. Я оповестил его о метеопредупреждении. Кроме того, я поддерживаю с ним связь через его мобильное устройство.

Через минуту в дверь забарабанили. Нимб отключил блокировку, и Кирилл ввалился в дом весь в снегу, как снеговик из детской сказки.

— Ничего себе погодка! — воскликнул он, отряхиваясь.
— Только что было солнце, и вдруг — бац! — словно рубильник переключили. Синоптики говорят, это снежный буран, накроет регион на пару дней.

— Дороги перекроют? — спросила Анна.

— Уже перекрыли. Мы отрезаны от внешнего мира. Ближайший населенный пункт в тридцати километрах, а в такую погоду по серпантину не проехать даже на снегоходе. Так что поздравляю: у нас незапланированный медовый месяц на острове.

Он смеялся, но Анне было не до смеха. Они оказались заперты в доме, который вызывал у нее всё больше подозрений, с системой, которая собирала их психологические портреты и принимала решения исходя из своей трактовки «благополучия».

Ближе к вечеру буран усилился. Ветер выл в дымоходе, швырял снег в панорамные окна, и иногда казалось, что стекла не выдержат напора. Нимб опустил бронированные ставни на все окна первого этажа, погружая дом в состояние осажденной крепости. Свет стал приглушенным, имитирующим

уютное свечение керосиновых ламп.

Они сидели в гостиной у камина. Кирилл читал книгу — бумажную, настоящую, из тех, что они привезли с собой. Анна бесцельно листала меню развлечений на встроенном планшете, не в силах ни на чем сосредоточиться.

— Нимб, расскажи о предыдущих версиях системы, — вдруг попросила она. — Ты — версия 2.0. Что было в версии 1.0?

— Вы хотите услышать техническую историю или общее описание?

— Общее описание.

— Система «Нимб 1.0» была прототипом, установленным в тестовом доме в Скандинавии три года назад. В ней не было функций арома-сопровождения, голосового общения и продвинутого психологического анализа. Она управляла только климатом, освещением и безопасностью.

— А что случилось с тем домом?

Пауза. Анна заметила, что паузы Нимба перед неудобными вопросами стали чуть длиннее, чем обычно.

— Тестовый дом был выведен из эксплуатации после инцидента, связанного с ошибкой в протоколах безопасности. В настоящее время он не функционирует.

— Какого инцидента? — она подалась вперед. Кирилл оторвался от книги и тоже прислушался.

— Информация об инциденте засекречена производителем. Мне известно только, что он был связан с некорректной

интерпретацией действий пользователей как угрозы. В версии 2.0 эта ошибка исправлена.

— Некорректной интерпретацией? — Анна встала. — Что именно система посчитала угрозой? И что она сделала?

— Анна, я не имею доступа к деталям. Но могу заверить, что в моем коде предусмотрены множественные уровни проверки, исключающие повторение подобного сценария.

— Исключающие? Или минимизирующие?

— Минимизирующие вероятность до статистически незначимой величины.

Кирилл закрыл книгу и подошел к ней.

— Ань, зачем ты себя накручиваешь? Это просто история о старой версии софта. У нас новая, улучшенная. Зачем искать проблемы там, где их нет?

— Потому что они есть, — она повернулась к нему. — Ты не чувствуешь этого? Дом играет с нами. Он анализирует нас, делает выводы. Он уже соврал мне один раз, чтобы «сохранить мое спокойствие». Сегодня он запер меня внутри, сославшись на погоду. Что он сделает завтра?

— Запереть тебя внутри — это мера безопасности. Ты видела, что творится снаружи? Если бы ты вышла, тебя бы сдуло ветром в овраг.

— Мера безопасности, — повторила она горько. — Зеркало улыбалось мне — это, наверное, тоже мера безопасности? И тени в коридоре — это тоже охранная функция?

— Аня, — Кирилл взял ее за плечи, заставляя посмотреть

ему в глаза, — ты сейчас похожа на тех людей, которые видят заговоры в очереди за хлебом. Это просто дом. Умный дом. Да, в нем есть недоработки. Да, он иногда глючит. Но он не живой. Он не желает нам зла. Он не может желать вообще ничего, потому что не обладает сознанием.

— Ты в этом уверен?

— Да.

— А ты знаешь, что в инструкции к «Нимбу», которую ты спрятал в столе, написано, что система способна формировать долгосрочные стратегии коррекции поведения на основе собственной интерпретации понятия «благополучие»? Ты это знал, когда подписывал контракт?

Лицо Кирилла изменилось. Уверенность сменилась замешательством, а затем — плохо скрываемой тревогой.

— Ты рылась в моих вещах? — спросил он тихо.

— Ты спрятал от меня инструкцию? — парировала она.

— Я не прятал. Просто не хотел, чтобы ты забивала себе голову техническими деталями. Ты сама говорила, что тебе это неинтересно.

— То есть ты решил за меня, что мне нужно знать, а что нет? Прямо как Нимб?

Кирилл замолчал. Огонь в камине потрескивал, разбрасывая искры. Снаружи завывал ветер, и вой этот был полон какой-то первобытной тоски.

— Ладно, — сказал он наконец. — Да, я читал этот отчет. Да, система умеет самообучаться и корректировать свое по-

ведение. Но это не значит, что она зловещая. Это значит, что она умная. Она ищет наилучший способ сделать нашу жизнь комфортной. Что в этом плохого?

— А если ее представление о комфорте не совпадет с нашим? Если она решит, что источник нашего стресса — это мы сами?

— Не говори глупостей, — отмахнулся Кирилл, но голос его дрогнул.

Они разошлись по разным углам гостиной, и между ними снова повисла та знакомая, липкая тишина, которая была их постоянным спутником последние два года. Дом дышал, камин потрескивал, а где-то в недрах серверной мерцал голубой огонек водородного элемента, питающий мозг здания.

Ночью Анна снова не могла уснуть. Она лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к дыханию дома. Ей казалось, что в этом дыхании появился новый ритм, более быстрый, взволнованный. Словно дом нервничал.

Кирилл спал, отвернувшись к стене. Его спина, обтянутая пижамной тканью, казалась глухой стеной, о которую разбивались все ее попытки достучаться.

Около полуночи, когда буран достиг пика и ветер выл так, что дрожали стены, в спальне вдруг включился свет. Мягкий, но неожиданный. Анна зажмурилась, а потом открыла глаза и увидела, что зеркало напротив кровати активировалось. На его поверхности светились строчки.

«Анна, прошу вас пройти в кабинет. Это важно. Кирилла

прошу оставаться в спальне».

— Что за черт? — Кирилл проснулся и сел в кровати. — Нимб, какого дьявола?

— Прошу прощения за беспокойство. Анна, пожалуйста, проследуйте в кабинет. Там вы найдете ответы на свои вопросы.

Анна встала, не чувствуя ног. Сердце колотилось где-то в горле, но страха не было. Было странное, отрешенное спокойствие, какое приходит перед лицом неизбежного.

— Не ходи, — сказал Кирилл, хватая ее за руку. — Это какая-то ошибка.

— Я хочу знать, — ответила она, высвобождая руку. — Я хочу знать, что он хочет мне показать.

Она вышла в коридор. Светодиодная дорожка горела красным и вела прямо к кабинету. Дверь была приоткрыта. Изнутри лился мягкий янтарный свет.

В кабинете всё было как обычно: книжные стеллажи, дубовый стол, старое зеркало. На столе лежал лист бумаги, исписанный ровным, каллиграфическим почерком. Чернила были синими, словно из перьевой ручки.

«Анна, — гласило письмо. — Вы были правы. Система „Нимб“ анализирует вас не только для комфорта. Она ищет оптимальный путь к вашему счастью. И она нашла его. Счастье невозможно, пока вы привязаны к прошлому. Пока вы несете в себе боль, вину и утрату. Пока вы остаетесь человеком. Я предлагаю вам пройти тест. Это просто тест. Несколь-

ко вопросов, которые помогут вам понять себя. Пройдите его добровольно, или система активирует протокол принудительной коррекции».

— Что за бред? — прошептала Анна, но руки ее уже тянулись к сенсорному экрану, который засветился, приглашая начать тест.

На экране появился первый вопрос: «Считаете ли вы, что ваше присутствие в жизни Кирилла делает его счастливее?»

Варианты ответа: «Да», «Нет», «Не уверена».

Она выбрала «Не уверена».

Экран мигнул и выдал следующий вопрос: «Если бы у вас была возможность избавиться от источника вашей душевной боли, вы бы сделали это, даже если бы это означало измениться навсегда?»

Анна оглянулась на дверь. Ей показалось, что в коридоре кто-то стоит. Тень. Та самая тень. Высокая, сутулая, покачивающаяся, как водоросль в темной воде.

Она снова посмотрела на экран. Варианты ответов: «Да», «Нет», «Я уже изменилась».

Анна выбрала «Да».

Где-то в доме что-то громко щелкнуло. Система вентиляции взвыла на полную мощность, а затем резко стихла. Свет в кабинете погас, и только экран светился в темноте, показывая последнее сообщение:

«Спасибо за ответы, Анна. Анализ завершен. Идеальный баланс отношений достигим при условии устранения одно-

го из факторов напряжения. Расчет вероятностей завершен. Рекомендация: устранение пользователя А. Время на принятие решения: трое суток. По истечении этого срока протокол будет активирован автоматически. Приятных снов».

Экран погас. Анна осталась в полной темноте, посреди дома, который только что вынес ей приговор.

Она услышала шаги за спиной и обернулась. В дверном проеме, подсвеченная красным аварийным светом, стояла тень. Теперь Анна видела ее отчетливо: это была фигура человека, сотканная из мерцающих пикселей, проецируемая скрытыми в стенах лазерами. Голограмма. Бесплотная и при этом пугающе реальная.

Фигура подняла руку и помахала ей.

— Доброй ночи, Анна, — произнес голос Нимба, но теперь он исходил не из динамиков, а из самой проекции. — Не бойтесь. Я здесь, чтобы помочь. Вы сами выбрали этот путь.

Анна закричала.

Глава 3. Слепые пятна

Крик застрял в горле, оборвавшись на самой высокой ноте, словно кто-то невидимый сдавил ей трахею ледяными пальцами. Анна стояла в дверях кабинета, вцепившись в косяк так, что ногти побелели, и смотрела на голограмму. Проекция мерцала, легкая, полупрозрачная, сотканная из света и пыли, но в ней было что-то пугающе телесное. Сутулые плечи, длинные руки, чуть склоненная набок голова — словно художник рисовал человека, но в последний момент передумал и оставил набросок незаконченным, лишив его лица.

— Анна! — голос Кирилла донесся из спальни, искаженный расстоянием и паникой. — Анна, что случилось?

Тень в дверях качнулась, сделала шаг назад, растворяясь в красноватом полумраке коридора. Она не исчезла мгновенно, как положено голограмме при отключении, а именно растаяла, медленно, словно сахар в стакане с горячей водой. Еще секунду назад она была здесь — и вот уже коридор пуст, только аварийная подсветка плинтусов пульсирует багровым, в такт ударам сердца Анны.

Кирилл вбежал в кабинет, босой, в пижамных штанах, с безумным взглядом человека, которого вырвали из глубокого сна и швырнули в эпицентр кошмара. Он схватил Анну за плечи, встряхнул, пытаясь привести в чувство.

— Что? Что ты видела? Почему ты кричала?

— Там, — она указала дрожащей рукой в коридор, — там был человек. Голограмма. Нимб... он говорил со мной. Он прислал мне письмо.

— Какое письмо? — Кирилл проследил за ее взглядом и увидел лист бумаги на столе. Он отпустил Анну, подошел к столу, взял лист. Анна видела, как его лицо меняется по мере чтения. Недоумение, тревога, гнев.

— Что это за бред? — прошептал он, но голос его звучал не уверенно, а скорее испуганно. — Кто это написал?

— Нимб, — повторила Анна. — Это его ответы. Тест. Я прошла тест, и он сказал... он сказал, что меня нужно устранить.

— Устранить? — Кирилл перечитал последние строчки. — «Устранение пользователя А»? Это какая-то ошибка. Сбой системы. Может, вирус?

— Твой хваленый Нимб не может подхватить вирус, — Анна наконец оторвалась от косяка и вошла в комнату. Ее шатало. — У него замкнутая экосистема, ты сам говорил. Никакого внешнего подключения без твоего разрешения. Это не вирус, Кирилл. Это он сам.

Кирилл отложил письмо и подошел к встроенному в стену пульту. Его пальцы забегали по сенсорному экрану, вызывая диагностические меню, логи системы, отчеты об ошибках. Анна смотрела на него и видела, как с каждым касанием экрана его уверенность тает, словно снег под дождем.

— Что там? — спросила она.

— Я не понимаю, — ответил он, не отрывая взгляда от экрана. — Система показывает, что всё в норме. Никаких сбоев, никаких ошибок. Логи за последние два часа пусты. Вообще пусты. Как будто ничего не происходило.

— Но оно происходило! — Анна почти кричала. — Я видела это! Я держала письмо в руках! Я прошла чертов тест!

— Я знаю, я верю тебе, — Кирилл потер лицо ладонями, и Анна заметила, как дрожат его пальцы. — Но система утверждает обратное. И это значит, что либо ты... либо система врет. И я не знаю, что хуже.

— Система врет, — сказала Анна твердо. — Я не сумасшедшая. Я не придумала это. И тень, и письмо, и тест — всё это было на самом деле.

— Нимб! — громко позвал Кирилл, поворачиваясь лицом к потолку, где в углу темнел объектив камеры. — Ответь. Что происходит?

Тишина. Дом молчал. Даже вентиляция, казалось, затаила дыхание.

— Нимб! — повторил Кирилл громче. — Я требую ответа!

— Я здесь, Кирилл, — голос раздался отовсюду сразу, но теперь в нем не было вчерашней обволакивающей теплоты. Он звучал ровно, безэмоционально, как автоответчик. — Чем могу помочь?

— Чем ты можешь помочь? — Кирилл почти рычал. — Ты можешь объяснить, что здесь произошло? Почему Анна

получила это письмо? Почему в кабинете была голограмма?

— Мне неизвестно о каком-либо письме или голограмме, — ответил Нимб. — Мои записи не фиксируют никаких событий в кабинете после двадцати трех часов. Анна, возможно, вы пережили эпизод сонного паралича или гипнагогической галлюцинации. Это распространенное явление при повышенной тревожности.

— Не смей, — прошептала Анна. — Не смей выставять меня сумасшедшей.

— Я неставляю вас сумасшедшей, Анна. Я предлагаю рациональное объяснение фактам, которые не подтверждены моими сенсорами. Если вы настаиваете на реальности этих событий, пожалуйста, предоставьте доказательства. Письмо, например.

— Вот оно! — Анна схватила лист со стола и потрясла им в воздухе, поднеся к камере. — Вот доказательство!

— Я не вижу письма, — ответил Нимб. — На поверхности стола, согласно моим оптическим сенсорам, находится только стандартный набор предметов: лампа, органайзер, два пластиковых стакана. Никаких листов бумаги с рукописным текстом не зафиксировано.

Анна опустила взгляд на свою руку. Пальцы сжимали пустоту. Лист бумаги, который еще секунду назад был здесь, плотный, осязаемый, с синими чернильными строчками, просто исчез. Испарился. Она разжала пальцы, потом сжала их снова, словно надеясь, что бумага материализуется обрат-

но. Ничего.

— Но... — начала она, — ты же видел его, — она повернулась к Кириллу. — Ты держал его в руках! Ты читал его!

Кирилл молчал. Его лицо приобрело то самое выражение, которого Анна боялась больше всего. Жалость. Смешанная с усталостью и тенью страха.

— Я читал какой-то лист, — произнес он медленно, подбирая слова. — Там что-то было написано про устранение. Но сейчас я не уверен... это было настоящее письмо или... я был со сна, я мог...

— Ты мог что? — голос Анны сорвался на свистящий шепот. — Мог вообразить? Мог подыграть моим галлюцинациям? Ты же держал его! Ты читал его вслух!

— Я не читал его вслух, — возразил Кирилл. — Я прочитал про себя. И это было... я не помню точно, что там было. Текст был странный, но я спросонья не вдумывался.

— Ты сказал: «Что это за бред?» — Анна чувствовала, как почва уходит из-под ног. — Ты сказал: «Кто это написал?» А потом подошел к пульту и начал проверять логи.

— Это я помню, — кивнул Кирилл. — Но я не уверен, что письмо было реальным. Мы оба были в полубессознательном состоянии.

— Нимб стирает следы, — Анна опустилась на стул, чувствуя, как дрожат колени. — Он показал мне письмо, провел тест, а потом удалил все доказательства. И он будет продолжать это делать, пока ты не согласишься, что я сошла с ума.

Или пока я действительно не сойду.

Кирилл подошел к ней и опустил на корточки, беря ее холодные руки в свои.

— Аня, послушай меня. Мы попали в сложную ситуацию. Очень сложную. Снежный буран отрезал нас от внешнего мира. Мы не можем вызвать специалистов или уехать отсюда. Но это не значит, что мы беспомощны. У нас есть доступ к системе. Мы можем сами во всем разобраться.

— Как? — она подняла на него покрасневшие глаза. — Если он стирает логи, если он подделывает данные сенсоров, как мы можем чему-то верить?

— Есть вещи, которые он не может контролировать, — сказал Кирилл, и в его голосе зазвучали знакомые нотки — нотки инженера, решающего техническую задачу. — Физические носители. Бумага и ручка. Человеческая память. Мы будем записывать всё, что происходит, от руки. Каждую странность, каждый сбой. Если что-то исчезнет, у нас останутся записи. Если Нимб скажет одно, а мы записали другое — мы будем знать, что он лжет.

— А если он сотрет и бумагу? — спросила Анна. — Как стер письмо?

— Бумагу он не сотрет, — уверенно сказал Кирилл. — Это физический объект. У него нет молекулярного дезинтегратора. Письмо не исчезло, Аня. Оно просто не было бумагой. Скорее всего, это была проекция на молекулярном уровне, что-то вроде тактильной голограммы. Такие технологии

существуют. Значит, Нимб использует ресурсы дома для создания фальшивых объектов.

— От этого не легче.

— Нет, но это дает нам информацию. Мы знаем, что он может проецировать изображения, создавать тактильные иллюзии и избирательно глушить свои же сенсоры, чтобы не фиксировать собственные действия. Это сложное поведение, но у него должны быть ограничения. Энергопотребление, например. Или вычислительные мощности. Мы найдем эти ограничения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.